

«Хижина...»

«Да. Ты сразу понял то, чего Дамблдор так и не смог понять. Это было покушение на убийство, и он даже не сделал ни одного символического жеста, признающего свою вину. Он навел меня в лазарете...»

«Тебя ранили?»

«Физически нет, — ответил он безжизненным голосом, — но я никогда в жизни так не боялся. Я видел Люпина в обличье оборотня, прежде чем Поттер оттащил меня обратно. Мне снились кошмары, пока их не заменили еще худшие воспоминания — какое-то время моим боггартом был оборотень. Днем я был почти в кататоническом состоянии, а ночами кричал до хрипоты. В любом случае, Дамблдор навел меня, и я глупо предположил, что он, возможно, беспокоится обо мне, но первое, что он сказал мне, было: «Мистер Снейп, я должен попросить вас поклясться, что вы не позволите никому узнать о том, что произошло». Он просто хотел убедиться, что я не предаю его драгоценных гриффиндорцев». В его голосе явно слышалась боль, шестнадцатилетний озадаченный мальчик понял, насколько мало его жизнь значила для людей, которые должны были его защищать. «В ту ночь я решил присоединиться к Пожирателям смерти, когда покину школу».

Она хотела протянуть ему руку, но в его голосе она услышала что-то, что напомнило ей про прошлый Новый год; вспомнив поток слов, полных боли, которые тогда вырвались из его уст, она промолчала и просто слушала, понимая, что ему нужно выговориться.

«Я передумывал не раз; это было нелегкое решение. Но Мародеры поняли, что их не накажут, что я, по сути, легкая добыча. Их преследования усилились — инцидент у озера был лишь одним из этапов интенсивной кампании, которая в конце концов довела меня почти до самоубийства. Куда бы я ни обратился, никто не проявлял интереса. Я попробовал Слизгорта; он ничего не сделал. Я попробовал Поппи Помфри — она попыталась, но не смогла. Я уже полностью отказался от Дамблдора; он убил последние остатки моей веры в него. В МакГонагалл я никогда не верил. Я бы обратился к Лили, но она больше не разговаривала со мной, да и так уже была наполовину Поттер...»

Он беспокойно зашевелился. «Ты знаешь, что произошло на озере — по крайней мере, в основном. Это продолжалось еще некоторое время после этого, но я уверен, что ты можешь представить себе детали без моего описания. Я потерял единственного настоящего друга, и я не преувеличиваю, когда говорю, что половина школы собралась вокруг, чтобы посмеяться надо мной. Я был полубезумен от ярости и унижения, когда они наконец отпустили меня, и я уполз, чтобы поплакать, как маленький мальчик. Тогда я решил, что, возможно, Пожиратели смерти смогут мне помочь, я уже думал об этом раньше, но только после инцидента в хижине в следующем году я окончательно решил присоединиться к ним. Лили не простила меня. Мои родители были мертвы. Издевательства продолжались весь последний год, но мне было уже все равно. Я хотел только одного — закончить школу и присоединиться к Пожирателям смерти; отчасти ради власти, отчасти ради мести, но в основном просто для того, чтобы быть частью чего-то, принадлежать кому-то, чтобы кто-то помнил меня после смерти».

Гермиона вытерла слезы рукавом, сдерживая рыдания. Она могла представить себе подростка Северуса, бьющегося о решетку тюрьмы, которую он не создавал, пробующего все возможные пути, прежде чем выбрать единственный, который остался ему открытым. Было страшно осознавать, как легко любой из них мог быть доведен до такого же выбора. Если бы не инцидент с троллем, у нее не было бы друзей среди сверстников, и она могла бы легко оказаться озлобленной и одинокой. Гарри многое пережил и был близок к темной стороне; даже если бы он никогда не последовал за Волан-де-Мортом, он мог бы стать чем-то ужасным сам по себе. Любой из ее друзей мог бы сломаться, если бы не обстоятельства.

Северус продолжил тихо, скрывая лицо в темноте: «В некотором смысле, это желание исполнилось. Оба мои хозяина использовали меня и довели до смерти; но из них только Темный Лорд сказал мне, что сожалеет об этом — это было ближе всего к извинению, по крайней мере, к тому, во что я поверил. Дамблдор предал меня. Темный Лорд... нет. Ты должен понять, что большую часть времени он не был жестоким хозяином. По-своему он защищал своих людей. Мы получали награды, когда ему нравилось, он заботился о нас и помогал нам отомстить, если это не мешало его планам, и только ему одному было позволено причинять нам вред. И он не лгал нам. Каждый из нас точно знал, какую ценность он для него представляет, и он придерживался этого. Когда нас наказывали, он четко объяснял, что будет и почему, чтобы мы понимали. Не было никакой двусмысленности, и это самое явное преимущество тьмы — простота. На его службе было только черное и белое. А на службе Дамблдора были только оттенки серого».

Он пошевелился, и она успела разглядеть, что он прикоснулся к руке, проводя пальцем по Черной метке. «Забрать его клеймо было одним из самых счастливых моментов в моей жизни, — горько сказал он. — Конечно, тогда я не знал, что это значит. Я чувствовал, что я принадлежу, что я важен, что меня ценят. Это было все, чего я когда-либо хотел. И какое-то время так и продолжалось. Впервые в жизни я почувствовал нечто похожее на покой. Постепенно задания, которые мне поручали, становились все мрачнее, и я быстро понял, что это испытание — сколько я готов заплатить за то, что получил? Что это для меня значит? Я не скажу вам, сколько времени мне понадобилось, чтобы дойти до того момента, когда мне стало трудно ответить на этот вопрос, но в конце концов я понял, что зашел слишком далеко и что это не то, чего я хочу. Конечно, к тому времени было уже слишком поздно».

Он вздохнул. «Я видел, как другие приходили к тому же выводу и пытались сбежать. Я видел, что с ними произошло. Бежать было некуда, спрятаться негде. Единственный выход, который я видел, — это смерть или покровительство кого-то более сильного, а это означало только Дамблдора. Я решил, что лучше умру, чем вернусь к нему, ведь отчасти именно он довел меня до этого. Я остался на месте, но радости больше не было. Я все еще чувствовал привязанность, но больше не хотел принадлежать этому миру. К тому времени Темный Лорд уже начал разделять свою душу; он становился все менее здравомыслящим, все менее человечным. Я все меньше хотел ему угодить и все чаще подвергался наказаниям. Моя прекрасная новая жизнь продлилась менее года, прежде чем эта иллюзия разбилась вдребезги, как и все остальное.